

Хотелось бы видеть не мистическую теорию, а исторический материал, который убеждал бы

*Г.Г. Малинецкий, доктор
физико-математических наук*

Многие вещи у докладчика звучны тому, о чем докладывал и я на прошлом семинаре. Есть ряд цивилизационных проектов, которые сейчас воюют между собой, — эта мысль достаточно ясно прочерчена. Видение будущего — миссия принципиальная, и это в докладе прозвучало. Такой взгляд кажется очень мудрым и разумным. Действительно, для нас было бы очень важно понимать свою миссию, причем понимать не так, как обозначил докладчик, а понимать конкретно, применительно к сегодняшнему дню.

Поскольку мы занимаемся точными науками, то, честно говоря, апелляция к Веберу, Марксу с их противоположными убеждениями, неубедительна. Автору нравятся одни периоды в истории, вам другие, мне — третьи. Было бы естественно понять — если мы говорим на языке точных наук, — что является константой, а что — переменной. Очень разумным было бы для построения теорий (а только правильная теория может быть полезной) выделять эмпирический базис, т. е. очерчивать, на основе чего мы делаем те или иные заключения. Когда мы имеем дело с моделированием, это важно. Полезно знать, что у нас в уравнениях постоянно, а что — перемененно. Мне кажется, надо чаще встречаться, и именно этот эмпирический базис обсуждать.

Еще у меня вызывает большие сомнения следующее: мы апеллируем к очень далекому прошлому. Насколько такая апелляция оправданна? На мой взгляд, есть простая законо-

мерность, связанная с горизонтом прогноза. В истории он составляет, грубо говоря, три поколения. То, что происходило три поколения назад, тот выбор, действительно, очень жестко влияет на нас. Но если мне будут объяснять, что принципиально происходившее 30 поколений назад, я попрошу доказать это. К сожалению, эта слабость эмпирического материала меня, как специалиста по моделированию, смущает.

Как только мы решаем моделировать, нужно договориться о простых вещах: есть цивилизации и есть переменные, которые для всех цивилизаций одни. А у нас, судя по докладу, как у Ключевского: «Проблема российских историков в том, что они очень любят Россию, поэтому у нас все не так, как у других».

Я мечтал бы увидеть леонтьевскую схему: вот переменные, межотраслевые балансы, в рамках этого смотрим на экономические процессы. О таком же я мечтаю в отношении историков. Хотелось бы видеть не мистическую теорию, не модель, а тот самый исторический материал, который убеждал бы не только тех, кому нравится лично автор, нравятся его книги и тех, кто любит Россию, но и тех, кто просто непредубежденно хотел бы вникнуть в это.

На мой взгляд, то, что говорится — это свехупрощение. Идея о единой воле, о едином субъекте глубоко неадекватна на нынешний момент. Действительно, есть несколько акторов, есть столкновение интересов. Избави бог считать, что у нас есть один субъект, и мы все ему сопротивляемся.

То, что мы моделируем, что нам кажется важным, действительно игра, но не такая игра, когда один человек играет и за черных, и за белых.

Игра здесь гораздо сложнее. Это не шахматы, это — карточная игра, где есть джокеры. Можно сказать, что атомная бомба для своего времени была джокером. Технология создания взрывчатых веществ, во многом породившая Первую мировую войну, была джокером. Говорить, что все предопределено сейчас — это слишком большое упрощение.

И еще один важный момент. Говоря о России, было очень важно, если мы хотим сохранить Россию, понять наличие тех концептов, тех фактов, идей, перспектив, с которыми мы все согласны, которые могут стать основой для самоорганизации и для того, чтобы сложить этот субъект.

С.С. Сулакшин часто толкует, что есть некие количественные вещи, о которых не поспоришь. Они же касаются характеристик народа России.

Мне это напоминает вопрос, который часто задают студенты: «А русские-то остались? — В том смысле, о чем Вы говорите: что будущее важнее, чем настоящее и прошлое, что общее — выше личного...». Я им отвечаю, что, наверное, остались.

Но это вопрос конкретных социологических исследований, вопрос исследований смыслов и ценностей.

Что касается переживаемой сегодня реальности. У нас сейчас есть единственный шанс — это прозреть. Действительно, надо смотреть: где те ниши, где наше содержание, наша линия будущего может быть использована?

Только что вышла Стратегия национальной безопасности до 2020 г. Там масса разумных слов относительно духовной безопасности, что впервые появляется в таких концепциях; приводятся слова, касающиеся цивилизации. Это та вещь, которая открывает возможности для различных толкований.

Здесь важно понять: способны ли мы в рамках нашей реальности сложить субъект, который поможет сохранить Россию? И каким образом, опираясь на ту же концепцию национальной безопасности, на те же наши возможности, можно сейчас сложить этого субъект? Такая постановка проблемы, представленная автором, мне близка. Намеченные им пути решения — нет.